

УДК 17.01

Анохина Светлана Евгеньевна, ассистент кафедры социологии, психологии и права ТПУ.
E-mail: anokhinas@sibmail.com
Область научных интересов: этика технологий.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ЭТИКИ ТЕХНОЛОГИЙ: К ИСТОРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

С.Е. Анохина

Томский политехнический университет
E-mail: anokhinas@sibmail.com

На основе двух научных традиций, условно названных «традиция Галилея» и «традиция да Винчи», показана история формирования понятия «этика технологий» в историческом аспекте. Установлено, что «традиция Галилея» носит доминирующий характер в современной науке. Отмечена необходимость формулировки ряда принципов, регулирующих поведение человека в сфере новых технологий.

Ключевые слова:

Этика, технологии, ответственность инженера, научные традиции.

Возникновение и последующее существование инженерной профессии с самого начала было связано с проблемой этического самоопределения инженера. Современное развитие технологий также сопровождается появлением актуальных морально-нравственных проблем, как принципиально новых, так и слегка преобразованных старых.

Анализируя исторический контекст возникновения проблемы этики технологий, отметим, что в XV столетии люди были озабочены тем, какие социальные проблемы принесет с собой новая техника. Например, в акте Кельнского городского совета (1412 г.) было записано следующее: «К нам явился Вальтер Кезингер, предлагавший построить колесо для прядения и кручения шелка. Но посоветовавшись и подумавши, совет нашел, что многие в нашем городе, которые кормятся этим ремеслом, погибнут тогда. Поэтому было постановлено, что не надо строить и ставить колесо ни теперь, ни когда-либо впоследствии» [1]. Тем самым социальная проблема, которая могла бы возникнуть из-за нового открытия стала препятствием на пути технического прогресса.

Можно привести еще один пример. Как отмечают В.С. Степин и В.Г. Горохов, Леонардо да Винчи был обеспокоен возможным нежелательным характером своего изобретения и не захотел предать гласности идею аппарата подводного плавания: «из-за злой природы человека, который мог бы использовать его для совершения убийств на дне морском путем потопления судов вместе со всем экипажем» [1]. Таким образом, следуя тезису Ф. Бэкона, можно подчеркнуть, что такая позиция (*мы условно обозначим ее как традицию Леонардо да Винчи – С.А.*) была связана со стремлением охранять могущество знания от широких слоев общества.

Конечно, подобные решения тормозили технический и экономический прогресс, приходили в противоречие с требованиями нарождающейся рыночной экономической системы.

Вторая научная традиция может быть связана с не менее известным именем Галилео Галилея. Как пишет М. Митчем, Галилей считал, что научное исследование не может подвергаться каким-либо продиктованным извне благоразумным ограничениям. Он указывал: «Наихудшие расстройств (беспорядки) наступают тогда, когда разум, созданный свободным, вынужден рабски починяться внешней воле. Новые формы этого подчинения есть новшества, способные привести к разрушению государственных систем и ниспровержению государства» [2]. Таким образом, речь идет о том, что ученые имеют право добывать научное знание, не думая о возможных отрицательных последствиях, без этого невозможен научный прогресс. Нужно отметить доминирующий характер «традиции Галилея» в современной науке.

Таким образом, можно выделить две научные традиции, позволяющие говорить о двух противоположных подходах в понимании концептуальных оснований этики технологий. В «традиции да Винчи» преобладает мнение о невозможности трансляции научных знаний в обще-

ство. Такая позиция строится на убеждении, что безответственное использование научных знаний может нанести непоправимый вред обществу. Вторая, «традиция Галилео», основана на убеждении о необходимости постоянного развития технологий, несмотря на существование возможных социокультурных последствий. Попытки объединить две несопоставимые традиции, касающиеся соотношений науки, этики и общества, были предприняты после второй мировой войны. Можно сказать, что этот период стал переломным в становлении этики технологий. Дискуссии об этике и социальной ответственности ученых представлены в сборниках «Бюллетень ученых-атомщиков», «Пангоушская конференция», «Азиломарская конференция» и другие.

Все вышесказанное дает основание утверждать, что, начиная с 60-х гг. двадцатого века, человечество находится в принципиально новой ситуации. С одной стороны, развитие человечества невозможно без развития технологий. С другой стороны, возникает вопрос о той границе, которая может быть поставлена при трансляции новых знаний в обществе. Непонимание последствий и ограниченная возможность их прогнозирования при внедрении новой техники и технологий могут привести к необратимым негативным результатам для всей цивилизации и земной биосферы. С нашей точки зрения именно такое направление в философском знании как этика технологий позволяет разрешить существующую проблему. Этика традиционно сосредоточивалась на межличностных отношениях, предписывала как людям следует поступать по отношению друг к другу. В процессе анализа форм нравственного поведения этика разработала, по меньшей мере, три различные общие теории для обоснования определенных моральных предписаний – естественного права, утилитаристскую и деонтологическую. В первой теории основное внимание уделяется заранее установленным структурам (закон и порядок против беспорядка), во второй – последствиям (добро против зла), а в третьей – внутреннему характеру самого действия (рациональное или правильное против иррационального или неправильного).

Все эти аспекты нашли отражение в этических кодексах, регулирующих отношения внутри профессиональных и научных сообществ. Одним из первых профессиональных этических кодексов стала клятва Гиппократова – кодекс врачей.

Наиболее известны кодексы тех профессий, где значимые этические вопросы задаются содержанием деятельности (инженеры, биологи, адвокаты, психотерапевты, журналисты, и т. д.). Такие кодексы являются сводом правил и норм поведения, которые разделяют участники сообщества. С помощью кодекса задаются определенные модели поведения и единые стандарты отношений и совместной деятельности.

Первыми универсальными кодексами, представляющими собой набор общечеловеческих ценностей, были своды религиозных правил (например, Десять заповедей Ветхого завета). Чуть позже стали возникать частные специальные кодексы, определяющие поведение отдельных социальных групп общества.

Потребность в специальных кодексах возникла в связи с тем, что универсальных норм было недостаточно для регулирования человеческого поведения в специфических ситуациях. Частная этика конкретизировала общие нравственные принципы применительно к особенностям той или иной деятельности. Такие кодексы регламентировали поведение специалиста в сложных этических ситуациях, характерных для данной профессии, повышали статус профессионального сообщества в социуме, формировали доверие к представителям данной профессии. Кроме того, кодекс усиливает значимость принадлежности к профессии, его принятие косвенно может являться обрядом инициации, актом «обращения в профессию» (например, принятие клятвы Гиппократова и допуск к лечебной работе у врачей).

В преамбуле «Кодекса инженерной этики» [3], разработанного Национальной ассоциацией профессиональных инженеров США, подчеркивается, что от инженеров ожидают самых высоких стандартов честности и целостности натуры.

Понимание того, что последствия научно-технического прогресса возможно и необходимо, хотя бы частично, предусмотреть и минимизировать уже на ранних стадиях разработки новой техники, поставило перед учеными, занимающимися проблемами этики, вопрос о переосмыслении самого представления о научно-техническом и социально-экономическом прогрессе.

За последние три столетия под влиянием технического прогресса получили развитие не только отдельные аспекты этических теорий, о которых мы говорили выше (в первую очередь, имеющие отношение к профессиям, наиболее тесно связанным с современной техникой), но и

вся область этики стала содержать отношения не только между человеком и человеком, но и между человеком и остальным миром [2].

Таким образом, к началу 60-х гг. общество пришло к выводу о необходимости разработки этических кодексов, регулирующих ответственность инженеров перед обществом в целом. Понятие «этическая ответственность» вышло за традиционные рамки, а затем была заменена тем, что впоследствии Дж. Лэдд назвал «этикой власти» [2].

В работе Х. Йонаса анализируется понятие «моральной (этической – С.А.) ответственности» в условиях практически неограниченных технических возможностей нового века.

Ключевой тезис Х. Йонаса состоит в том, что «новые типы и измерения действий предполагают и соответствующую им этику предвидения и ответственности, которая должна отвечать современным требованиям в каждом конкретном случае, с которым ей придется столкнуться» [4]. Тем самым подчеркивается роль этики предвидения и ответственности даже за те изобретения, которые только предстоит сделать.

В своей работе Х. Йонас приводит сравнительный анализ этики прошлого (XIX в.) и нового (XX в.) веков. Этика прошлого была основана на следующих убеждениях:

1. Все обращение с внечеловеческим миром, т. е. вся область *techne* (мастерства), было, за исключением медицины, этически нейтральной областью, как в отношении объекта, так и субъекта такой деятельности. В отношении объекта – поскольку искусство наносило самосохраняющейся природе вещей лишь незначительные повреждения, не создавая проблемы долговременного ущерба целостности его объекта, естественному порядку в целом. По отношению же к действующему субъекту это было так, поскольку *techne*, как деятельность, рассматривало себя как ограниченную дань необходимости, но никак не самоценное восхождение к главной цели человечества, на достижение которой обращены величайшие усилия и живейшее участие человека. Считалось, что истинное призвание человека в чем-то ином. Таким образом, воздействие на объекты вне человеческой сферы вовсе не представляло собой области, наделенной этической значимостью.
2. Этическая значимость относилась к непосредственному обращению человека с человеком, включая его обращение с самим собой.
3. Подразумевалось, что применительно к деятельности в этической области, существо «человек» и его базовое состояние в сути своей неизменны и не представляют собой объекта преобразующего *techne* (искусства).
4. Благо или зло, составлявшие предмет забот деятельности, находились в непосредственной близости от действия – в самой практике или в ближайшем от нее удалении и не представляли собой объекта отдаленного планирования. Эта приближенность целей касается как времени, так и пространства. Реальная дальность действия была мала, временной интервал для предвидения, постановки цели и определения возможной вменяемости – короток, контроль за условиями – ограничен. У надлежащего поведения были свои определенные критерии, почти непосредственно приходило оно к своему благополучному завершению. Отдаленные последствия относились на счет случайности, судьбы или провидения. В соответствии с этим этика имела дело с «здесь» и «теперь», с обстоятельствами, возникающими меж людьми, с повторяющимися, типичными ситуациями частной и общественной жизни. Достойным человеком был тот, кто проявлял в этих обстоятельствах добродетель и мудрость, кто культивировал в себе соответствующие способности, а в прочем примирялся с неизвестным [4].

Подчеркивая противоречивый характер этики XIX в., Х. Йонас приводит возможные новые измерения ответственности.

Первое значительное изменение в бытовавшей ранее картине можно описать как критическую ранимость (*Verletzlichkeit*) природы, обусловленную техническим вторжением человечества. На основе реальных последствий выявляется, что природа человеческой деятельности фактически изменилась, и к тому, за что мы обязаны нести ответственность, добавился такой предмет как биосфера всей планеты в целом. Природа как предмет человеческой ответственности – это, вне всякого сомнения, нечто новое, относительно чего этическая теория должна еще поразмышлять.

Поскольку определяющей точкой отсчета, делающей заинтересованность в сохранении природы заинтересованностью моральной, является судьба человека с его зависимостью от состояния природы, антропоцентрическая направленность всей классической этики здесь все еще

сохраняется. Но даже и тут различие велико. Рамки непосредственного окружения и одновременности исчезли, снесенные пространственной ширью и временной протяженностью каузальных рядов, приводимых в ход технической практикой даже в тех случаях, когда ею подразумевались лишь ближайшие цели. Необратимость этих рядов в соединении с их совокупным порядком величин вводит в нравственное уравнение еще один небывалый фактор. Отсюда их кумулятивный характер: их последствия складываются так, что исходные условия для последующей деятельности и существования уже иные, чем у тех, кто действовал вначале, и уходят от них все дальше, все в большей степени превращаясь в результат уже совершенного. Вся традиционная этика принимала в расчет лишь некумулятивное поведение [4].

При таких обстоятельствах знание выходит за рамки той роли, в которой оно востребовалось прежде, и делается нашей настоятельной обязанностью, причем оно должно быть соразмерно каузальным масштабам нашей деятельности. Однако тот факт, что знание реально не может быть равновеликим ее размаху, то есть, что прогнозирующее знание отстает от знания технического, сообщающего мощь нашей деятельности, обретает собственную этическую весомость. Разрыв между силой предвидения и мощью действия порождает новую этическую проблему. Признание неведения становится тогда оборотной стороной обязанности знать и через это – частью этики, которая призвана подвигнуть нас на делающий все более настоятельным самоконтроль за собственной непомерной мощью. Никакой предыдущей этике не приходилось принимать в расчет глобальные условия человеческой жизни и отдаленное будущее, даже само существование человеческого рода [4]. Именно такое ключевое отличие этики прошлого и будущего фиксируется в современных исследованиях.

Рассматривая проблему этической ответственности, М.С. Солодка подчеркивает, что высказывания и максимы традиционной этики демонстрируют свою ограниченность прямым указанием на действие: «не делай другим того, что ты не пожелаешь, чтобы делали тебе», «Сотноси свою собственную пользу с общей пользой» и т. д. Все эти этические универсалии были построены как единовременные и действительные в период собственной человеческой жизни [5], однако в современной науке возникают такие ситуации, которые не могут регулироваться нормами классической этики, поскольку все традиционные этические теории не были ориентированы на будущее, а фиксировали только «ставшие» состояния [6].

Итак, современная этика технологий базируется на «традиции Галилео». Нельзя остановить научно-технический прогресс. Однако эта традиция сегодня видится в неразрывной связи с исследованиями основных нравственных норм и принципов, регулирующих поведение человека в сфере новых технологий. А также в необходимости анализа нравственных ценностей и норм, лежащих в основании этических кодексов, создаваемых инженерами.

В настоящее время принципы социальной ответственности инженеров и научно-технических сообществ получают своё практическое воплощение в концепции социальной оценки техники.

Исследование проводится в рамках выполнения проекта по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009–2013 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники: Учеб. пособие. – М.: Гардарики, 1996. – 400 с.
 2. Митчем К. Что такое философия техники? / Пер. с англ. под ред. В.Г. Горохова. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 149 с.
 3. NSPE Code of Ethics for Engineers // National Society of Professional Engineers. 2012 г. URL: <http://www.nspe.org/Ethics/CodeofEthics/index.html> (дата обращения 08.01.2012).
 4. Jonas H. The Imperative of Responsibility (In Search of an Ethics for the Technological Age). – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1984. – 225 p.
 5. Солодка М.С. Ответственность субъекта управления: состояние проблемы и перспективы исследования // Credo. – 1998. – № 1. – С. 33–44.
 6. Лукьянова Н.А. От знака к семиотическим конструктам коммуникативного пространства: монография. – Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2010. – 245 с.
- Поступила 23.01.2012 г.